

У 2006 годзе Юрый Сцяпанавіч прымаў удзел у праекце “Забытых таямніцаў чар”, які быў арганізаваны ў польскім горадзе Гайнаўка пад патранажам еўрарэгіёна “Белавежская пушча”. Вынікам праекта стала кніга “Забытых таямніцаў чар” пад рэдакцыяй Наталлі Гэрасімух на беларускай і польскай мовах.

Праца Георгія Сцяпанавіча Мусевіча па гісторыка-краязначай спадчыне Камянеччына з’яўляецца бясцэнным здабыткам для ўсіх камянчан. Да гэтага часу не знайшлося даследчыкаў, якія б так глыбока і з такой асабістай цікавасцю і адказнасцю апісвалі і сістэматызавалі гісторыка-культурны скарб Камянеччыны. Шмат рукапісаў чакаюць свайго часу ў архівах Камянецкай раённай бібліятэкі імя В.М. Ігнатоўскага.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Мусевич, Г.С. Народ который жил среди нас. – Брест, 2009 г.
2. Памяць: Камянецкі раён: гіст.-дак. Хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі. – Мн.: Ураджай, 1997.
3. Рукопись Г.С. Мусевича «О себе. Такая жизнь». – 16-17.02.2007 г.
4. http://kamunikat.org/bielski_hostinec.html // Бельскі гостінец: краязнаўча-культурны зборнік, 2008. – № 1 – С 32 – 41.

Ю.Э. Ходынюк (Бяла Подляска, Польша)
Y. E. Godyniuk (Biala Podlaska, Poland)
chodyniuk@list.ru

УДК 811.161.1

ПРОЯВЛЕНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ В МЕНТАЛИТЕТЕ СЛАВЯН НА БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ

Аннотация. В данной статье представлены взаимодействия языка и культуры в менталитете славян, проживающих на белорусско-польском пограничье. Представлены основные факторы, влияющие на национальное самосознание, на общность взглядов и иерархию ценностей славянских народов. Освещена проблема базовых ценностей славян.

Ключевые слова: национальное самосознание, пограничье, менталитет славян

THE MANIFESTATION OF THE INTERACTION OF LANGUAGE AND CULTURE IN THE MENTALITY OF THE SLAVS IN THE POLISH-BELARUSIAN BORDERLAND

Annotation. This article presents the interaction of language and culture in the mentality of the Slavs living on the Belarusian-Polish border. The main factors influencing the national identity, common views and hierarchy of values of the Slavic peoples are presented. The problem of basic values of the Slavs is highlighted.

Key words: national identity, the frontier mentality of the Slavs

Современные процессы глобализации и унификации духовной, материальной культуры выступают одним из основных направлений социокультурной динамики на сегодняшний день. В этой связи особую актуальность приобретает анализ социокультурных идентификаций, который проявляется в стремлении подчеркнуть уникальность культуры того или иного народа, осознать свою принадлежность к определенному этносу.

Формирование национальных ценностей, национального характера, менталитета любого этноса детерминировано многими факторами. Для становления национального менталитета, базирующегося на этнонациональных ценностях, являются природно-географический, ландшафтный, геополитический и иные факторы.

Проблема поиска ценностных идеалов характерна для культуры пограничья на протяжении всей ее истории. Уникальная история, особая жизненная среда, характер труда и отдыха, взаимодействие с представителями иных этнонациональных и конфессиональных сообществ, собственные нормы морали, особый взгляд на проблему ценностей явились основополагающими факторами, сформировавшими менталитет, культуру народа, живущего на пограничье.

Убедительным свидетельством глубокой укоренённости принципов толерантности в самосознании людей, проживающих на пограничье, является распространённое среди их большинства убеждение, что каждый народ имеет неотъемлемое право сохранять и развивать свой родной язык, культуру, обычаи, традиции, уклад жизни, своеобразие религиозных верований.

В межличностных, межгрупповых, межэтнических, межрелигиозных взаимодействиях толерантность проявляется в субъект-субъектных отношениях, где в качестве субъектов толерантных взаимосвязей выступают как отдельные личности, так и их различные группы и общности – профессиональные, социокультурные, политические, территориальные. В зависимости от сферы и направленности подобных субъект-субъектных отношений можно выделить следующие виды толерантности: политическая, национально-этническая, языковая, конфессиональная, социально-статусная, профессиональная, региональная. Выделяя эти виды как объекты социологического, политологического или социокультурного исследования, следует иметь в виду, что грани между ними подвижны, изменчивы, вследствие чего толерантность проявляется как подвижная, нелинейно изменяющаяся форма социальности, требующая конкретного анализа в конкретных модификациях ее содержания.

Другим социальным феноменом, тесно соприкасающимся с толерантностью, является мультикультурализм, ориентированный на равноправное разви-

тие и взаимодействие различных культур, преодоление дискриминации различных групп населения во всех сферах общественной жизни, прежде всего межнациональных, конфессиональных, социокультурных взаимодействиях.

Социологический анализ толерантности в ее сопоставлении, с одной стороны, с нетерпимостью, а с другой – мультикультурализмом позволяет более рельефно и конкретно выявить сущность исследуемого явления как высокой ценности славянского менталитета в процессе становления и функционирования гражданского общества и современных интеграционных процессов в страновом, региональном и международном масштабах.

В эволюции духовных ценностей славянства основополагающую роль сыграли такие факторы, как формирование Киевской Руси, Московского княжества, Великого княжества Литовского, единого Российского и Советского государства (современная суверенность трех восточнославянских народов), конечно, надо иметь в виду нахождение на протяжении определенного периода западных белорусских и украинских земель в составе Польши. Они способствовали формированию у славян сходных традиций и ценностей. Однако следует учитывать и особенности формирующиеся под влиянием уникальных как географо-ландшафтных, геополитических, так и других условий формирования и жизнедеятельности этносов. Среди фундаментальных традиционных ценностей славянских народов несомненной приоритетностью обладает ценность семьи. Близость культур, духовных традиций и ценностей, общность исторических судеб являются серьезными факторами, обуславливающими интеграцию славянских народов

В современном обществе происходит масштабное переосмысление значения христианского наследия, роли исторически традиционных для Беларуси религий и конфессий, значительно актуализируется познавательная функция религии. На всех этапах своего развития людям необходима внутренняя опора, своеобразный духовный стержень в жизни. О том, что христианская система ценностей во многом определила менталитет людей на пограничье, свидетельствуют многие источники, как классические труды по традиционной культуре этнографов 19 в., так и материалы современных исследований. О религиозности населения пограничья, глубине усвоения христианских представлений свидетельствуют многие факты, например, соблюдение постов, посещение храма, знание молитв и другие регулярные измерения религиозной жизни. Христианские заповеди представляли собой основу характерной этики крестьянской жизни славян.

Духовные традиции, аккумулируя опыт прошлого, выполняют роль своеобразных социальных эстафет, проносящих сквозь время жизненно важные общественные явления – представления о добре и зле, о прекрасном и безобразном, о социальной значимости разных форм хозяйственной деятельности, способов коммуникации и регулирования социальными процессами, вопреки переменчивому времени и всему исторически происходящему. В иерархии духовных традиций и ценностей славянства исследователи выделяют: общеславянские ценности, ценности восточного славянства (наряду с другими типами регионального славянства – западного и южного); духовные ценности национального славянства (русские, белорусы, украинцы и т. д.). Ценности, наряду с нормами и

идеалами – важнейшие компоненты человеческой культуры. Их существование укоренено в экзистенциальной активности субъекта культурного творчества, его диалоге с другими людьми, ориентированного не только на область сущего, но и на значимое, нормально-должное [4, с. 342].

Язык традиционно выступает одной из базовых реальностей, связанной с понятиями этноса, этничности, национальности.

В разных исследовательских традициях и подходах роль и функции языка в формировании или определении этничности варьируются в достаточно широких границах – для сторонников примордиализма язык выступает природной основой формирования этноса, а значит – `объективной`, `естественной` характеристикой его носителей, для конструктивистов – `этническим маркером`, для инструменталистов – одним из основных трансляционных каналов этничности и т. д.

Однако независимо от подхода язык признается важнейшим этнообразующим фактором, одним из оснований этнической идентичности, нагруженным рядом реализационных функций и аксиологических коннотаций. В современном социально-гуманитарном знании разделяют понятия `этническая идентичность` и `этничность`. Если этническая идентичность субъективна, но понятие `этничность`, наоборот, включает в себя объективные признаки: этническая принадлежность родителей, место рождения, культура...

Этничность выступает как предписываемая и конституированная обществом характеристика, тогда как этническая идентичность формируется в результате конструирования социальной реальности на основе этничности, но не сводится к ней. При этом считается, что `этническая идентичность` – понятие более пластичное, чем понятие `этничность`. В данном случае мы придерживаемся того подхода, что этническая идентичность не является неизменным набором культурных черт, а порождается в процессе социального конструирования.

Язык как основа и критерий этнической идентификации может переосмыслиться с точки зрения выполняемых им функций и роли, которую он играет в различных этнических группах. Именно родной язык традиционно принято считать самым мощным фактором, воздействующим на этническое самосознание и формирующим его. Однако следует обратить внимание, что сам термин `родной язык` многозначен.

Можно выделить как минимум три наиболее распространенных трактовки этого термина: родной язык как язык этнической самоидентификации (язык этнической/национальной общности, к которой относит себя человек, связывающий его с предыдущими поколениями, их культурой и историей); как язык, усвоенный в детстве (который человек усваивает в раннем детстве без специального обучения, находясь в соответствующей языковой среде); как функционально первый язык (на котором человек мыслит без дополнительного самоконтроля, с помощью которого легко выражает свои мысли в письменной и устной форме). Однако это – теоретические формулировки, используемые в научном дискурсе, где они каждый раз уточняются и оговариваются.

Можно предположить, что для белорусских поляков выбор языка в качестве родного опирается не столько на аскриптивные факторы и характеристики, сколько является сознательным выбором, в разной степени отражающим социокультурную идентификацию.

Билингвизм в форме белорусско-русского, русско-польского, белорусско-польского двуязычия – отличительная черта населения приграничных регионов Беларуси. Исследования, проведенные Институтом социологии НАН Беларуси в мониторинговом режиме по национальной выборке в 2009 г. позволяют наглядно продемонстрировать, с кем и в какой мере представители различных национальностей испытывают чувство общности (в рамках групповых идентификаций).

Сравнительный анализ показал, что поляки, в отличие от представителей других национальностей, характеризуются высоким уровнем религиозной и национальной идентичности. Данный факт проявляется в отождествлении себя, с одной стороны, с людьми своего вероисповедания, с другой – людьми своей национальности. Также в достаточной мере ярко выражена у поляков тенденция идентификации себя не только в масштабах общего территориального проживания (с жителями своего города), но и в пределах ближайшего проживания, в частности с соседями. Однако относительно низкий уровень значимости для поляков имеет идентификация себя со своими коллегами по работе, учебе либо представителями своей профессии. Таким образом, люди, осуществившие символический выбор родного языка в пользу польского и белорусского, довольно близки между собой по социально-демографическим характеристикам, выбравшие русский язык в качестве родного являются представителями молодого городского поколения. Эти номинации достаточно условны, однако могут иметь значение для прогноза динамики языковых процессов в общности белорусских поляков.

Рассматривая менталитет общества как систему установок, мы относим к их числу и языковую установку. Выделение из общего числа глубинно-психических социально-культурных установок языков обусловлено сложным характером взаимоотношений феноменов менталитета и языка.

Справедливо предположить, что менталитет (который, как известно, в значительной степени детерминирован социальными условиями) выражается в языковых особенностях нации, народных способах социального общения и т. п. Язык, в свою очередь, оказывает определенное формирующее влияние на процесс становления и функционирования социального менталитета и ментальности отдельной личности. Можно вычленить различные уровни формирования ментальности как языковой картины мира отдельного индивида. Основную нагрузку, на наш взгляд, несет на себе уровень семейного воспитания, на котором происходит переживание индивидом более общих (национальных и социальных) традиций, норм морали, правил, ориентиров и целей общения как личностно-значимых ценностей.

На основе сложившейся системы оценки индивидом определенного близкого социального мира, тех или иных вещей, свойств и отношений формируется индивидуальное направление мысли человека, складываются как индивидуальные, характерные для данной общности, социальные формы общения с различными категориями социального окружения, к которым относятся:

а) родственники, соплеменники, находящиеся в одном социально-географическом пространстве с субъектом (принадлежащие к одному национальному образованию);

б) относящиеся к другим культурам (инородцы, живущие в иных социально-культурных условиях — выше или ниже субъекта по уровню развития культуры).

Возможно и иное социальное представление рассматриваемых категорий социального окружения. Можно утверждать, что именно в ходе семейного воспитания формируется дуалистическое отношение, критерий «свое — чужое» в индивидуальном и коллективном сознании, находящий выражение в социальных оппозициях: «Мы» — «Они», «Я» — «Мы» и т.п.

Исходным пунктом осмысления проблемы взаимного воздействия друг на друга менталитета и языка следует, полагаем, признать положение о том, что с помощью языка человек отражает окружающий мир. Причем «отражает» — значит, не только описывает мир, поскольку, во-первых, передача информации и описание в целом — это лишь одна из форм отражения человеком окружающего мира, а во-вторых, существо человека раскрывается только в форме той или иной деятельности, в реализации собственных устойчивых ценностных структур.

Весьма интересным в контексте исследования менталитета общества и языка (в различных его формах) является привнесение в эту взаимосвязанную (и взаимозависимую, как представляется) оппозицию третьего элемента — социокультурного. Что же определяет индивидуальную языковую ментальность (нам вновь здесь не уйти от сопоставления личности и социальной среды), что формирует ее?

«Применительно к индивиду это:

а) те его особенности, которые определяются его принадлежностью к некоторой социокультурной группе (в самом широком понимании культуры), то есть особенности данного индивида как представителя группы, выделяемой на основе образовательного уровня, профессии, возраста, пола и т. д.;

б) те его особенности, которые определяются социокультурной средой. К социокультурной среде относятся, например, круг знакомых на работе и вне ее, круг родственников, близких, страна проживания.

Особенности страны как социокультурной среды — это культурные традиции, история, политическое устройство и подобное». Поэтому, когда мы говорим об особенностях взаимодействия языка и менталитета, первенство в формировании личных ментальностей следует отдавать языку.

Важнейшей основой функционирования языка является социум, а глубинной основой последнего выступает менталитет. На начальных этапах усвоения языка индивид идет от языкового мышления к социокультурным стереотипам восприятия, поскольку с усвоением языка он усваивает и значительную часть глубинно-психических установок социального менталитета.

Видится в определенной степени справедливым утверждение о том, что в формировании системы социальных установок важную роль играет «бессознательная мораль той или иной социальной совокупности, характеризующая обобщенные жизненно важные потребности большинства членов данной общности». Необходимо напомнить, что к числу «жизненно важных» следует относить не только социальные, но и интеллектуальные, духовные и другие потребности индивида (и общества). Вообще феномены менталитета и ментальности различаются между собой лишь по масштабности, широте охвата объектом

иных социальных феноменов, имеют некоторые особенности в функционировании. Но в глубине своей они суть явления одного плана. Именно в силу своей изначальной общности они имеют достаточно большое количество точек соприкосновения.

По-видимому, не следует выделять один из этих феноменов в качестве постоянного ведущего: одностороннее воздействие не может быть константным. Конечно, язык выступает как одно из основных средств социальной трансляции, как носитель менталитета. То есть, с одной стороны, можно говорить, что язык определяет менталитет. Однако в последующем, когда менталитет сформирован (то есть, когда становятся фиксированными его основные глубинно-психологические установки), тогда уже он сам выступает как детерминатор тех или иных языковых изменений, социально-индивидуальных подвижек. На этом этапе мы уже можем говорить о том, что языковая установка становится одной из составляющих в структуре менталитета, то есть здесь менталитет определяет язык. На индивидуально-личностном уровне мы можем проследить такое же соотношение. Таким образом, справедливо говорить о диалектическом взаимодействии феноменов менталитета общества и языка, ментальности личности и языка и т. п., проявляющемся в различных социальных ситуациях по-разному.

Уровневое разведение взаимодействия менталитета и языка подтверждается известной аналогией в подобного же рода дуалистических позициях «язык и общество» и «социальное и ментальное», факторы которых действуют – каждый в свою очередь или даже попеременно – в течение определенного времени. Справедливо мнение отечественных исследователей о том, что направленность связи между социокультурными факторами и «языковой ментальностью», а также характер данной связи применительно к индивиду могут быть различными на разных этапах его развития.

Таким образом, социокультурные стереотипы восприятия мира формируют языковую ментальность, кристаллизуются в ней. Социокультурные факторы выступают в роли своеобразных фильтров, которые образуют различные комбинации. Пропустив через эти фильтры один и тот же участок мира, мы получим различные представления, или отражения, последнего.

Языковая установка выступает как одна из ведущих социально-психических составляющих менталитета общества. Значительную роль она играет и в осуществлении межнационального взаимодействия.

Особо значимой представляется роль языковой установки менталитета в самоидентификации, социализации и самоосуществлении индивида (по отношению к социуму установка, что понятно, играет консолидирующую роль, превращая конгломерат индивидуумов в социальную общность). Но каковы психологические механизмы осуществления языка? Этот вопрос задавали себе многие исследователи в прошлом, и отвечали на него каждый по-своему. Общей при этом у большинства из них была мысль о наличии некоей «внутренней формы» в языке, которая так или иначе определяет закономерности языковых изменений и независимость языковой действительности.

Рассматривая язык в контексте исследования феномена менталитета, полагаем важным особо выделить необходимую связь мышления и языка, при кото-

рой язык выступает своего рода «материальной оболочкой» мыслей человека. Выявление логических структур, составляющих языка возможно при этом лишь на основе анализа языковых выражений, то есть непосредственного исследования его (языка) носителей.

Традиционно считается, что язык служит для транслирования той или иной информации (в том числе социальной) от индивида к индивиду. Однако нет сомнений, что этим основные функции языка не исчерпываются. Язык, по определению, – это знаковая информационная система, выполняющая в процессе познания действительности и общения между людьми функции формирования, хранения и передачи информации. Коммуникативная функция языка, обычно особо выделяющаяся при анализе данного феномена (и весьма, подчеркнем, актуальная в контексте исследования менталитета), органично включается в число этих трех наиболее общих языковых функций. Однако язык необходимо рассматривать и как наиболее дифференцированное средство выражения, которым владеет отдельный человек, и одновременно, как высшую форму проявления объективного духа. А поскольку объективный дух, по Г.Гегелю, воплощается в праве, морали, нравственности, обществе и государстве, то можно утверждать, что язык отражает совокупность явлений, в которых концентрируется и объективируется историческая и культурная жизнь (язык в определенном смысле и влияет на них).

Таким образом, можно говорить о проблеме отражения национального менталитета в языке, слове, письменности.

В национальном характере, как известно, тесно переплетаются элементы сознания, идеологии, нравственной культуры, поведения и общественной психики. Отношение к окружающему характеризует направленность (как систему осознанных интересов) национального сознания людей. К данной группе черт национального характера иногда относят такие, как консерватизм, религиозность, оптимизм, пессимизм и др. Думается, данные черты могут обозначаться и реализовываться языковыми средствами достаточно точно и недвусмысленно.

Таким образом, можно утверждать, что феномен менталитета самым тесным, непосредственным образом связан с языком. Взаимовлияние рассматриваемых феноменов сложно и неоднозначно. Язык есть феномен культуры, он впитывает в себя и определенным образом отражает характерные внешние – социальные и внутренние – сущностные черты, которые мы можем обозначить как ментальные, поскольку они «срабатывают», в том числе, и на уровне глубинно-психических установок.

Не следует упускать из виду, что менталитет есть феномен не только глубинно-психический, то есть функциональный, «оформляющий» те или иные отношения духовности. Менталитет – феномен социально-культурный, то есть, достаточно убедительно помещающийся в аксиологическом измерении.

Список использованной литературы

1. Бабосов, Е. М. Толерантность как ценность славянского менталитета, Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы. Материалы VII Международной научной конференции Гомель, 26–27 мая 2011 года; под общ. ред. В. В. Кириенко. – Гомель, 2011. – 235 с.

2. Бабосов, Е. М. Менталитет белорусского народа и его традиционные ценности / Е. М. Бабосов // Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы : материалы V Междунар. науч. конф., Гомель, 24–25 мая 2007 г. ; под общ. ред. В. В. Кириенко. – Гомель, 2007. – 360 с.
3. Баталко, Т. И.; Абазовская, Н. В. О духовных основах белорусской народной культуры, Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы Материалы VII Международной научной конференции Гомель, 26–27 мая 2011 года; под общ. ред. В. В. Кириенко. – Гомель, 2011. – 235 с.
4. Губман, Б. Л. Ценности / Б. Л. Губман // Культурология. XX век : энцикл. – СПб.: Унив. кн., 1998. – Т. 2. – С. 342–343.
5. Злотников, А. А. Социолого-демографические исследования процессов, происходящих в сфере семьи (на примере исследований в гомельской области) Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы Материалы VII Международной научной конференции Гомель, 26–27 мая 2011 года; под общ. ред. В. В. Кириенко. – Гомель, 2011. – 235 с.
6. Игнатович, П. Г. Духовные традиции и ценности в системе культуры белорусов, Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы Материалы VII Международной научной конференции Гомель, 26–27 мая 2011 года; под общ. ред. В. В. Кириенко. – Гомель, 2011. – 235 с.
7. Королев, М. Г. Представления о родительстве у современной молодежи Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы Материалы VII Международной научной конференции Гомель, 26–27 мая 2011 года; под общ. ред. В. В. Кириенко. – Гомель, 2011. – 235 с.
8. Лашук, И. В. Выбор родного языка как элемент этнокультурного самоопределения «белорусских поляков», Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы Материалы VII Международной научной конференции Гомель, 26–27 мая 2011 года; под общ. ред. В. В. Кириенко. – Гомель, 2011. – 235 с.
9. Маркова, И. И. Семейные ценности современной белорусской молодежи Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы Материалы VII Международной научной конференции Гомель, 26–27 мая 2011 года; под общ. ред. В. В. Кириенко. – Гомель, 2011. – 235 с.
10. Маркова, И. И. Семейные ценности современной белорусской молодежи, Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы Материалы VII Международной научной конференции Гомель, 26–27 мая 2011 года; под общ. ред. В. В. Кириенко. – Гомель, 2011. – 235 с.
11. Мызникова, О. Г. Ценности и ценностные ориентации семьи / О. Г. Мызникова // Проблемы выхавання. – 1999. – № 4. – С. 83–93.
12. Сезнева, Т. А. Роль семьи и социального окружения в формировании ценностей подростков / Т. А. Сезнева // Адукацыя і выхаванне. – 2000. – № 11. – С. 35–37.
13. Скриптунова, Е. А. О предпочтениях городской молодежи (заметки об исследовании) / Е. А. Скриптунова // Социол. исслед. – 2002. – № 1. – С. 105–110.
14. Шинкевич, Е. Ю. Специфика социокультурных идентичностей жителей Беларуси Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы Материалы VII Международной научной конференции Гомель, 26–27 мая 2011 года; под общ. ред. В. В. Кириенко. – Гомель, 2011. – 235 с.
15. Юрченко, Е. П. Семья и брак в славянской культуре Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы Материалы VII Международной научной конференции Гомель, 26–27 мая 2011 года; под общ. ред. В. В. Кириенко. – Гомель, 2011. – 235 с.